

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ

После долгих странствий по свету появился в столице Дмитрий Хворостовский с программой очень ответственной: романсы Чайковского и средние «юноши», редко звучащие, «юноши» Римский-Корсаков, и, самое главное, «Песни и пляски смерти» Мусоргского (мало кто отваживается брать за них даже из зрелых мастеров!). Дерзко, смело!

Каков же он к тому же, на людей поглядывший и себя показавший артист, всюду в свете признанный огромным талантом! Все той же обворожительной красоты тембр голоса, приносящая в восторг музыкальность, глубина «вандения» и чувствования музыки во многих номерах («То было

раннюю весной», «Среди шумного бала» — просто очаровательно!). Однако повлеклось у него и что-то чужое, «инородное». Порой слышалась излишняя драматизация пения с «итальянской слезой» (особенно чуждая романсам Чайковского), с рваными финалами, как нередко звучит русская классика у итальянских оперных «звезд». Мне представляется, для Дмитрия Хворостовского это «чужое»: он блистательный камерный певец лирического «наклонения». Именно блистательный! Будь обыкновенный, спросу бы никакого не было, а здесь — так много дано, потому и многое спрашивается.

Публика все принимала взв-

звело: ревели, стонали, грохотала. Я вполне разделяла такой прием в номерах старинной русской музыки, исполненных на «бис», — неповторимо прекрасны. И! аккомпанемент Михаила Аркадьева, и пение Дмитрия Хворостовского были здесь безупречны. Идеальный дуэт, отмеченный особым акцентом и чувством стиля.

Но главным в программе была Мусоргский. Как сказал певец в одном интервью, он долго время не решался брать за него, не верил, что сможет найти себя в этой музыке, а сегодня просто не мыслит себя без нее. Трагическая задуманность артистом инте-

ресно, смело, и эта смелость, безусловно, дозволена исполнителем, который приобрел право на самостоятельность мышления (не искажая авторский текст!). Дмитрий Хворостовский позволил себе много отступлений от принятого — изменил темпы, динамику, сместил некоторые акценты, дабы подчеркнуть с первой картиной театральную природу цикла. Это действительно вокальный театр в 4-х картинах. Образ Смерти почти зримо образуется: все яснее просозвывает его власть, его грозная неотвратимость — от нежно-убогающего в «Кольбельной» до торжествующего «Полководца» — финальной фразы «дружно вставайте

на смотр, мертвецы!»; артист произносит ее почти речитативом...

Я бы сказала, пока Дмитрий Хворостовский представил на суд слушателей интересную «экспозицию» вокального спектакля. Конечно, он будет еще дорабатываться, оттаиваться — в Мусоргском не обойтись без текстовой тонкости и точности в осмыслении и произнесении каждой фразы, каждого слова. Но неординарность общего замысла и редкий певческий, актерский дар исполнителя заставляют верить, что он сможет сказать свое веское слово в трактовке гениального цикла.

М. ИГНАТЬЕВА.